

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 30, 32, 35, 39, 47, 48.

«Бесконечный полёт», – так называется 19-я глава книги академика Рафзеля Гусейнова, с которой на протяжении всего прошлого года мы знакомили наших уважаемых читателей. И в первую очередь я должна извиниться перед ними за то, что назвала её предпоследней. Нас ещё ждут очень интересные встречи с Шакиром Ширвани, Аббаскули ага Бакихановым и Сеид Азимом Ширвани, которые расскажут о заслуживающих нашего, да и не только нашего, внимания фактах из их жизни и деятельности, а также истории прошлых веков, многим до сих пор неизвестные.

Эпиграфом к этой главе служит следующее двустишие:

... Если чае под старость благоденствия достичь,
Чтите смолоду вы старость, время вспять не повернуть.

Принадлежит оно уже зрелому автору Саибу Тебризи, о котором и пойдёт речь в этой главе. Кстати, на странице 621 читатель узнаёт о том, что начинается оно со следующих строк:

Жизнь проходит, вы пожитки соберите в дальний путь,
Что не взыщёт меч судьбины, должно взятое вернуть.

Уже в самом начале этой главы мы узнаём о том, что, когда Саиб взялся за перо, поэзия Ближнего и Среднего Востока «переживала не лучшие времена, увязнув в путях традиционных канонов».

«Но вот явился Саиб Тебризи, – читаем на странице 613. – «Саиб» означает «бьющий в цель». Он пришёл в мир поэзии и точно бил в цель. Тогда как многие умельцы слова промахивались, а стрелы, пущенные Саибом, попадали akurat в «яблочко», и становились примером для остальных. Саиб всколыхнул тишину, разбудил литературу от дремы и сумел ей дать новое направление. Пройдут годы, и это подтвердят и поэты, и стиховеды. Но и до них Саиб сам осознавал свою миссию.

Воплощением любви мир заняться я заставил,
Острый и чеканный слог обозрению представил.
В облаках блуждала страсть, по словам певцов любви,
Я её одушевил, и в родной приют доставил.
Стрелы, пущенные вкось, в цель искомую направил.
Ключ стиха захоп под сором громоздившихся словес,
Я пробил стиху дорогу, хлам наносный прочь отставил.
Так Юсиф прекрасный Миср в старину не восхищал,
Как молвою Исфаган огласил я и прославил.

Далее на странице 614 читаем о том, что одна только фраза из уже знакомой нам антологии Мухаммеда Тарбията «Данешмендан-е Азербайджан» очерчивает масштабы интересов и круг общения Саиба – поэта XVII века: «Саиб прожил три четверти этого столетия, обошёл многие страны, включая Арабию, Афганистан, Иран, а также Османскую державу, виделся, общался с султанами и шахами, визирями и государственными деятелями, учёными и философами, поэтами и литераторами того периода, со всеми знаменитостями и мудрыми личностями века, и со многими поддерживал дружеские связи, переписываясь».

Как мы уже знаем из предыдущих глав, поэты, мастера владения словом, в далёкие от нас времена всегда находились в почести у власти имущих и венценосных правителей. К чему это приводило в конечном результате, тоже благодаря кропотливому труду академика Гусейнова нам известно. Но не будем опережать события давних времён и, по совету автора книги, сначала обратим внимание на высоте отзывы о герое этой главы знаменитых европейских исследователей XIX века.

«Все они щедро расточали дифирамбы в адрес устада-классика, которых не удосуживался ни один из современников Саиба. Подписи этих светил воспринимаются безоговорочно, как знаковые, и мнения их – как неоспоримо убедительные.

На странице 615 читаем о том, что Абдурахман Джами считался последним гением классической персоязычной поэзии. С появлением Саиба Тебризи это представление утратило силу. Английский ориенталист швейцарского происхождения Чарльз Пьер Генри Рьё (1820 – 1912) считал Саиба самым крупнейшим персоязычным поэтом нового периода.

А Элиас Джон Вилькинсон Гибб (1857 – 1901) воспринимал его как самого главнейшего из устатов, пришедших после Джами.

Другой знаменитый английский востоковед Эдвард Браун (1862 – 1926) называл Саиба «величайшим поэтом», заблудившимся в «тусклом литературном небосклоне семнадцатого века, «единственной личностью, заслуживающей обстоятельного разговора» на фоне поэтов-современников.

Знакомимся с оценками профессионалов далее. Так Евгений Эдуардович Бертельс называл Саиба Хафизом XVII века, чешский учёный Яр Рипка видит в нём «первоклассного поэта эпохи Сефевидов». Всемирно известный индийский ориенталист Шибли Немани на-

зывает его «последним великим поэтом Ирана». Составитель одной из самых современных литературных антологий Мирза Таир Насрабади в своей солидной «Тезкире-йи Насрабади» говорит: «Его природный талант, глубокий ум и беспредельная слава не нуждаются в комплиментах».

Не сдерживает своих восторженных эмоций и Мухаммед Афзал Сархш в своей литературоведческой работе «Каламат уш-шуара» – «Изречения поэтов».

«Со времени возникновения художественного слова на земле не рождалась на свет личность, которая слагала бы столь божественно значимые стихи, с таким утончённым мышлением и высокими думами, как Саиб. Ещё при жизни его «Диван» стал всемирно известен, и стихи его снискали повсеместное признание.

Посланик Византийского государства и правитель Индостана письмом иранскому шаху просили «Диван» поэта, и шах выслал как дар «Диван Саиба».

Даже учитывая то, что земля упоминается здесь не в глобальном масштабе, а как мир Востока, оценки творчества этого поэта превосходят все другие, с которыми мы с вами, дорогой читатель старейшей газеты, знакомились в предыдущих главах. «Исключительность феномена Саиба – общепризнанная на Востоке истина», – пишет автор на странице 616.

И чтобы мы не усомнились в этом, он следует далее, представляя нам интереснейшие факты о личности и из жизни поэта.

Вот, что пишет о нём антологист Хошгу в своём труде «Сафина», считающимся одним из самых содержательных источников о Саибе:

«Ни в Иране, ни в Турции, ни даже, пожалуй, в семи климатических поясах ни у кого не хватит силы соперничать с ним в поэтической мощи и не найдётся ктонибудь, который был бы способен ткать сравнимый с ним смысловой узор. Рустам Зал был сотворён господином силы, а Саиб – властелином слова».

Кстати, Хошгу, увидев красочную антологию Зафархана Ахсана, настоящее – имя Мирза Аханулла Асефхан Акбершахи – воссоздавшего портреты ряда своих современников, с которым Саиб познакомился во время странствия в Индию, при посещении Герата и Кабула, правителем которых был Зафархан, так сообщил о внешности великого устада: «худощавый, высокорослый, смуглолицый».

Другой источник запечатлел облик Саиба уже в преклонном возрасте, – сообщает Р.Гусейнов на стр. 617. Здесь «устад уже погрузневший, седовласый старец, походивший по свету верхом на верблюдах, в седле, а при случае, пешком, уставший от долгих дорог.. переживающий закатную пору жизни, занимающийся составлением «Диванов» своих.

Да, со временем многое меняется в жизни, преобразуется и сам человек. Не менялась только его любовь, его чуткое, щепетильное, бережное отношение к слову» ...

«Сколь възсакателен он был смолоду к своим и чужим стихам, таким он остался и до конца дней. Саиб отобрал и переписал множество стихов и бейтов из других поэтов, составил изрядный сборник Сафине-йи Саиб – «Галерея Саиба» – который представляет собой грандиозный поэтический букет, скомпонованный из образцов творчества 800 поэтов, 25 тысяч бейтов», – читаем на страницах 618 – 619.

Здесь автор рассказывает и о некоторых слабостях устада. К примеру, о пристрастии Саиба Тебризи к курению. «Даже полушутя, он говаривал, мол, не будь курения, человеку и вовсе не хотелось бы просыпаться». На закате жизни он посвящал и стихи своим неразлучным наперсникам – табаку и кальяну.

Здесь же мы узнаём о том, что родился Мамедали Саиб в 1601 году в Тебризе; «в источниках он значится не только с нисбой «Тебризи», но и с «Исфагани».

Когда ему было лет 15–16 от роду, Саиб с семьёй переехал в Исфаган, но и оттуда ему предстояло много выездов и переездов. Однако Исфаган останется его второй малой родиной... Тебриз же – его особая любовь, и на протяжении всей его жизни она будет отзываться в стихах поэта.

*Вспоминая жизни нашей те весенние деньки,
Воспаряет мысль Саиба в кущи райские Тебриза.*

На странице 620 автор рассказывает о том, что Саиб был сыном купца Мирзы Абдулпрагима, который занимался торговлей.

Детство и отрочество будущего поэта совпало с порой правления шаха Аббаса Первого (1587 – 1629), во времена которого одна война утихла, но только началось мирное созидание, как разгоралась другая, следовали новые жертвы и всё восстановленное шло под откос.

Искендер бек Мюнши в «Тарих-е аламара-йе Аббаси» – «Истории достославного Аббаса» – повествует о том, что Тебриз в ходе военных передряг между османской Турцией и шахом Аббасом переходил из рук в руки.

«Османы, завладев городом, из каменной полуразрушенных домов строили себе новые жилища, каравансарай, бани. Шах Аббас, одержав очередную побе-

ду, приказывал сравнивать с землёй всё, что соорудили «румийцы», то есть, турки. Таким перелопаченным, в горах руин, предстал печальный Тебриз взору мальчишка и отрока Саиба.

По велению шаха Аббаса, часть тебризцев, в их числе и семья Саиба, уже начинавшего обретать известность как молодой поэт, была переселена в новосозданный посёлок в окрестностях Исфагана – Аббасабад. Саибу, покидавшему родной город, было тогда лет 16 – 17.

*Не от солнца переняли цвет багровый валуны,
Губ рубины в том повинны, потому обагрены.
Как бы люди не теряли чувства дружества, твердил,
Почужели даже братья, потому что дни черны.
Если праведна дорога, то заблудшему внуши,
Отомстится заблуденье, не искупите вины.*

«Это одна из газелей Саиба, написанная на родном языке», – сообщает автор на странице 621.

«Живя в Исфагане, – читаем далее, – поэт пребывает в атмосфере родного языка; в ту пору и тюркский – азербайджанский язык был средством общения и в придворных кругах Персии, что подтверждается источниками.

Как мы уже знаем, почти все поэты средневековья наряду с персидским, писали стихи и на своём родном языке, внося свой посильный вклад в его сохранение.

Прошло 4 века, и мы стали живыми свидетелями того, как спустя 400 лет был поднят на государственный уровень вопрос сохранения и чистоты азербайджанского языка. В конце прошлого года, 8 декабря в Милли Меджлисе прошла конференция на тему «Стратегия развития азербайджанского языка как государственного: современное состояние и перспективы».

В своём выступлении Сахиба Гафарова подчеркнул, что неоспоримы исторические шаги, предпринятые Национальным лидером Гейдаром Алиевым в области защиты нашего языка, а также в направлении его возведения на уровень государственного. Именно благодаря настойчивости Общенационального лидера в 1978-м году азербайджанскому языку в Конституции Азербайджана был придан статус государственного. Конституция, подготовленная и принятая под руководством Национального лидера в 1995-м году, вновь закрепила статус азербайджанского языка как государственного, сформировав тем самым прочную правовую базу нашей языковой политики.

Следует отметить, что эта конференция стала первым мероприятием на данную тему после выступления Президента Азербайджана Ильхама Алиева 3-го ноября на конференции, посвящённой 80-летию Национальной Академии Наук Азербайджана, где Глава государства озвучил существенные призывы касательно защиты и развития родного языка.

«Сохранение чистоты азербайджанского языка должно быть делом каждого гражданина Азербайджана. Государство, учёные, лингвисты, писатели, поэты, журналисты, все, кто занимается политикой, должны уделять этому большое внимание».

И в этом плане книга академика Рафзеля Гусейнова, изданная на высочайшем уровне полиграфии 12 лет назад, именно сегодня, когда повсеместно и на всех уровнях поднимается и обсуждается вопрос сохранения чистоты и красоты азербайджанского языка, имеет бесценное значение.

Продолжение следует.

Подготовила Медина ГАСАНОВА.